



Третий возраст: социальное самочувствие

Над темой номера
работала



Лариса КОСОВА^[1]

Население разных стран на шкале возраста

Отношение к старшим – важнейшая характеристика нормативно-ценностной системы любого общества. Казалось бы, вступление в старшие возраста должно быть связано с повышением положения в обществе в силу приобретения большего уважения, авторитета – одной из веберовских составляющих статуса. И это верно для традиционных обществ, где возраст – фактор аскрептивный: при достижении определенного возрастного порога социальный актор приобретает повышенный статус не за счет личных усилий и достижений, а в силу изменения не зависящих от него обстоятельств. Но в обществах современных возраст выступает в качестве ресурса самореализации, который в течение жизни может быть конвертирован в другие формы социального капитала, а может быть растрочен. В этом случае старение воспринимается как возрастающая степень депривации, потеря статуса.

Часто в исследовательской литературе, посвященной проблемам старения, годы, соответствующие старости, называют «третьим возрастом». Будем использовать этот термин и мы. Вступление в третий возраст связано с широким кругом проблем, которые становятся все значимее в современном мире в связи с увеличением продолжительности жизни и ростом числа людей старших возрастов. Специалисты отмечают гетерогенность страты людей третьего возраста. Это определяется не только материальными обстоятельствами, но и различиями в накопленном жизненном опыте, достигнутом уровне профессиональной квалификации, дающем возможность продолжать работу в старших возрастах, системе ценностей, образе жизни. Существуют гендерные особенности старения, связанные не столько с биологическими различиями полов, сколько с предписанными социальными ролями. Не будем забывать и о таком дифференцирующим факторе, как состояние здоровья пожилых людей.

Все ли современные общества обладают схожими условиями комфортного старения? Мы имеем в виду не столько социальную политику государства, выраженную в качественном медицинском обслуживании и достойной пенсионной системе, сколько социальные обстоятельства, дающие средства полноценной реализации в молодости и зрелых возрастах, что позволяет создать запас ресурсов, который в дальнейшем может демпфировать потерю снижающихся с возрастом возможностей. Для ответа на этот вопрос воспользуемся данными международного исследования ISSP (International Social Survey Programme). Напомним, что программа была начата в 1985 году. Страны-участницы проводят опросы, каждая на своей территории, по репрезентативным выборкам и единой согласованной методике. Тема очередного модуля исследования выбирается на ежегодной установочной конференции. Модули повторяются с интервалом 5-6 лет. Такой подход позволяет осуществлять как межстрановые сравнения, так и анализ динамики различных показателей внутри стран. Модуль 2009 года был посвящен проблемам социального неравенства. В нем приняло участие 40 стран^[2], было опрошено 55238 человек.

Позиция на социальной лестнице

Среди прочих вопросов респондентов просили оценить свою позицию на социальной лестнице. Вопрос был сформулирован следующим образом: «В нашем обществе есть люди, занимающие или высокое, или низкое общественное положение. Если использовать шкалу, где «10» означает высокое общественное положение, а «1» - низкое общественное положение, не могли бы вы указать, какое место Вы, Ваша семья занимаете в настоящее время на этой шкале?» На рис. 1 мы представили ответы на данный вопрос в зависимости от возраста для всей совокупности опрошенных. Общая тенденция очевидна – старение связано с потерей статуса, респонденты старших возрастов оценивают свои позиции на социальной лестнице ниже.

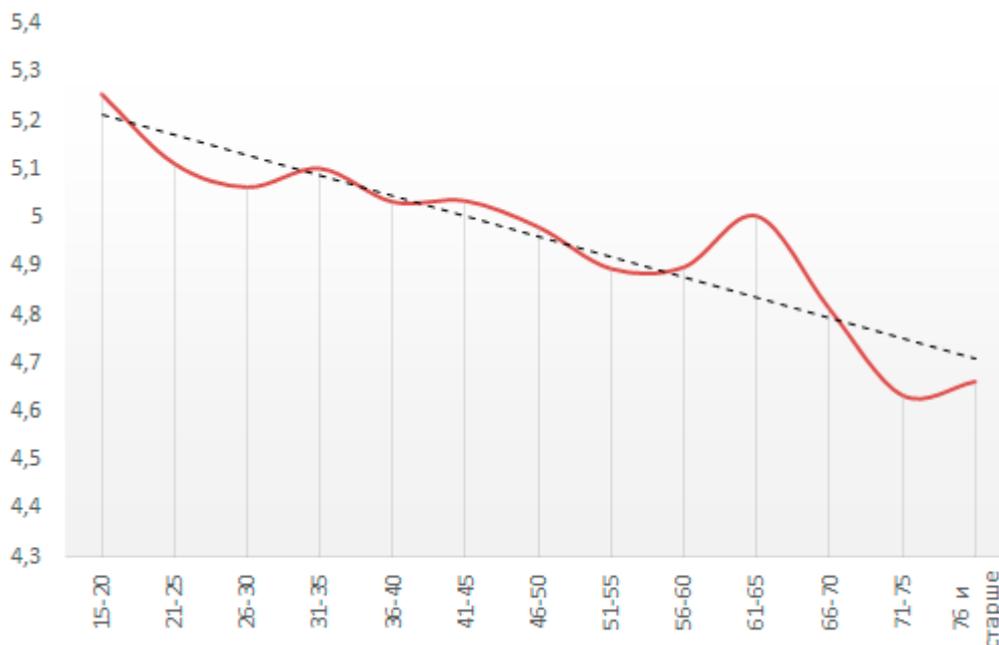


Рисунок 1. Зависимость субъективных оценок социального статуса от возраста для всей совокупности респондентов

Казалось бы, перед нами эмпирическое подтверждение подхода, в рамках которого старение рассматривается как процесс, определяющийся биологическими доминантами – «непреодолимой силой природы», а потому вступление в третий возраст означает потерю индивидами значимых для общества качеств и вытекающее из этого обстоятельства снижение социальных позиций. Это «естественный» этап жизни, сопровождающийся утратой независимости, сокращением диапазона социальных ролей и, как следствие, снижением самооценки. Однако более подробный анализ показывает, что это не совсем так: снижение оценок субъективного статуса связано не столько с биологическими, сколько с социальными факторами. Если с уровня усредненных оценок, полученных на всей выборке, мы перейдем к анализу особенностей в отдельных странах, то увидим, что в разных обществах респонденты переживают вступление в третий возраст по-разному: уровень депривации, связанный с возрастом, значительно меняется от страны к стране (рис. 2).

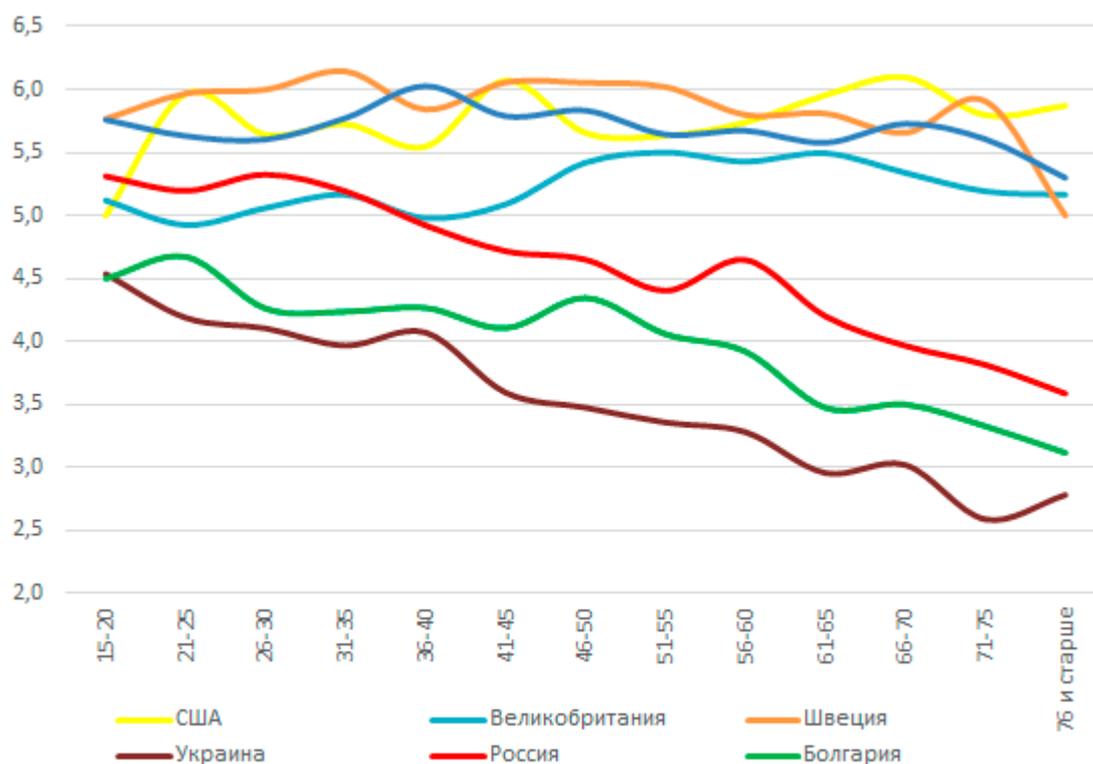


Рисунок 2. Зависимость субъективных оценок социального статуса от возраста по отдельным странам

В России, Болгарии и Украине оценки статуса практически линейно снижаются с каждым прожитым годом. В Великобритании и США люди пожилого возраста оценивают свой статус выше, чем молодежные группы. В Германии некоторая тенденция падения оценок статуса становится заметной после 40 лет. В Швеции возраст фактически не оказывает влияния на оценки субъективного статуса еще дольше - только после 55 лет заметно снижение оценок субъективного статуса. Особо обратим внимание, что российская молодежь в оценке своих социальных позиций оптимистичнее сверстников из США и Великобритании, а вот россияне третьего возраста, подводя итог прожитой жизни, пессимистичны в оценках. Это значит, что результат реализации усредненного жизненного проекта в России – потеря, растрата ожиданий и оценок юности, тогда как в США и Великобритании – это приобретение социальных ресурсов, недоступных в молодые годы. Перед нами разные типы обществ, разная социальная механика, создающая существенно различающиеся условия реализации индивидуальных жизненных проектов. Остановимся подробнее на некоторых факторах, определяющих эти различия.

Биологический детерминизм?

Признание того факта, что человек - существо не только социальное, но и биологическое, давно стало общим местом в исследовательской работе ученых-обществоведов. Корпус литературы, посвященный анализу влияния здоровья на положение индивида в обществе, внушительный, его обзор не входит в задачи данной статьи. Однако нельзя не отметить позицию, признанную широким кругом исследователей, в рамках которой здоровье рассматривается как база социального достижения, один из основных ресурсов восходящей мобильности. Понятно, что молодые возраста в целом обладают большим запасом здоровья и, следовательно, большими возможностями самореализации. С возрастом здоровье ухудшается, в связи с чем сокращается база не только повышения, но и сохранения достигнутых позиций. В научный оборот прочно вошел термин

«успешное старение»^[3], который понимают как комбинацию ряда факторов, в первую очередь, - низкую вероятность болезней или инвалидности; сохранение высокой способности к обучению и физической деятельности; активное участие в жизни общества. Важнейший элемент концепции «успешного старения» - тезис о том, что степень влияния биологического детерминизма снижается в современных обществах, где целями социального развития являются приоритеты ценности человеческой жизни, и уровень экономического развития позволяет поддерживать эти приоритеты.

Наши данные позволяют нам сравнить один из аспектов успешного старения – здоровье пожилых людей – в разных странах. Воспользуемся результатами модуля ISSP за 2011 год, посвященного вопросам здоровья населения^[4]. Нам были доступны данные 17 стран-участниц (26216 опрошенных). Анкета содержала блок вопросов, позволяющих оценить разные аспекты здоровья респондентов. Среди прочих задавался и прямой вопрос: «Как бы Вы оценили в целом свое здоровье?» Оценки давались по пятипозиционной шкале^[5], у респондентов была возможность воздержаться от ответа. Результаты представлены на рис. 3.

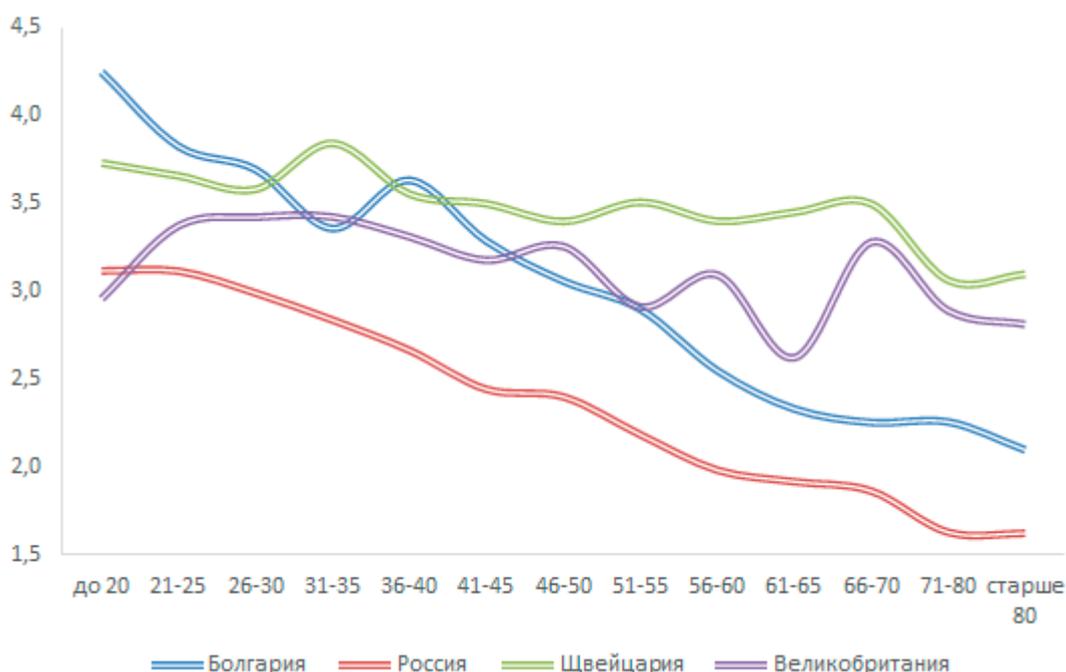


Рисунок 3. Зависимость оценок здоровья от возраста в отдельных странах

В России и Болгарии характер зависимости здоровья от возраста одинаков - каждый прожитый год ухудшает состояние здоровья (вернее, его оценок), хотя и есть некоторые флюктуации, связанные с особенностями данных. При этом, жители Болгарии во всех возрастах оценивают свое здоровье позитивнее, чем в России. В Швейцарии оценки здоровья, несколько снижаясь до 30 лет, достигают пика в интервале 31-35 лет, к сорока годам понижаются до срединного уровня между «хорошее» и «очень хорошее» здоровье и остаются на этом уровне практически до 70 лет. В Великобритании оценки здоровья достигают максимума к 25 годам, остаются на этом уровне почти до 40 лет, после чего несколько снижаются и далее колеблются вокруг той оценки, которую дают своему здоровью самые молодые респонденты.

Иными словами, естественный запас здоровья молодости можно сохранять и поддерживать, и современные западные общества это научились делать. Давление биологического детерминизма смещается во все более старшие возраста, пожилые люди все позже сталкиваются с

депривационными шоками, обусловленными потерей здоровья, возрастающей зависимостью и беспомощностью, что приводит к более высоким оценкам социального статуса в третьем возрасте.

Гендерные различия процесса старения

С тех пор, как в 1958 году Роберт Столлер ввел в научный оборот термин «гендер», «социальный пол» стал одним из ключевых факторов анализа социального неравенства. В этом контексте рассматриваются такие проблемы, как власть, социальная иерархия, самоидентификация, профессиональное образование, оплата труда, предписанные образы жизни. Важно подчеркнуть, что гендерный подход – это стратификационный подход, в нем всегда присутствует тезис о неравномерном распределении ресурсов по признаку социального пола, и социальные отношения рассматриваются как отношения господства-подчинения[6].

Корпус концепций, в рамках которых гендер рассматривается как один из факторов социального неравенства, а женщины выступают в роли своего рода «угнетенного класса» широк. Оставляя в стороне обсуждение теоретических предпосылок неомарксистских подходов, отметим, что эмпирические данные действительно подтверждают существенные различия и в материальном, и в профессиональном, и в статусном положении мужчин и женщин. Вновь обратимся к данным модуля ISSP «Социальное неравенство»[7]. Сравнение оценок субъективного статуса с использованием процедуры t-test показывает, что мужчины выше оценивают свое положение в обществе (табл. 1). Разница невелика, но значима на уровне 99,9%. В ряде случаев, примеры которых мы привели в табл. 2, различия в оценке статусных позиций мужчинами и женщинами только возрастают.

Таблица 1. Сравнение средних оценок субъективного статуса мужчинами и женщинами для всей совокупности респондентов (Ответы на вопрос «Какое место Вы, занимаете в настоящее время на шкале статусов?»)

	N	Среднее	Среднеквадратичное отклонение	Стандартная ошибка
мужчины	24601	5,06	1,838	0,012
женщины	29746	4,91	1,822	0,011

Таблица 2. Сравнение средних оценок субъективного статуса мужчинами и женщинами для отдельных стран (Ответы на вопрос «Какое место Вы, занимаете в настоящее время на шкале статусов?»)

	Чехия	Франция	Израиль	Украина
мужчины	5,13	5,09	5,59	3,72
женщины	4,65	4,70	5,19	3,44

Отмеченная тенденция занижения оценок, которые женщины дают своему положению в обществе, сохраняется и в ходе процесса старения: женщины ощущают более значимую потерю статуса с возрастом (рис. 4).

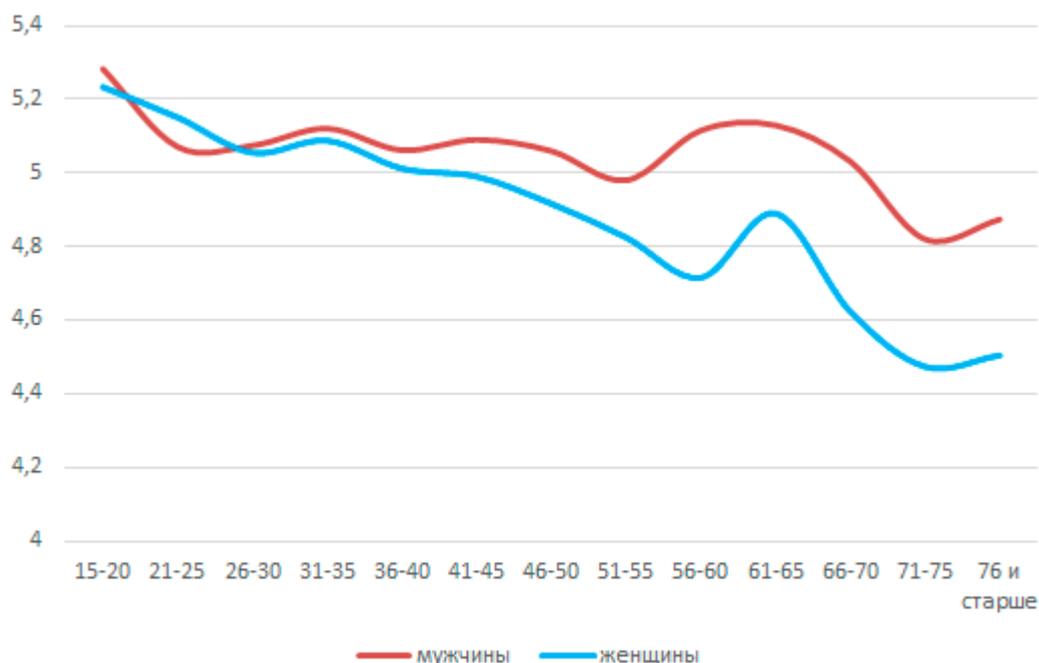


Рисунок 4. Зависимость оценок статуса от возраста для мужчин и женщин для всей совокупности респондентов

В молодежных группах оценки статуса, рассчитанные для всей выборки, у женщин в целом выше, но с каждым прожитым годом они снижаются, и к 26-30 годам женщины начинают оценивать свой статус ниже, чем мужчины. После 35 лет пессимизм в оценках своих позиций в обществе у женщин растет быстрее, чем у мужчин, и эта тенденция только усиливается с возрастом. При этом разным обществам присущ разный характер гендерного неравенства. Рис. 5-8 дают нам примеры того, как различаются траектории снижения статусов у мужчин и женщин в отдельных странах.

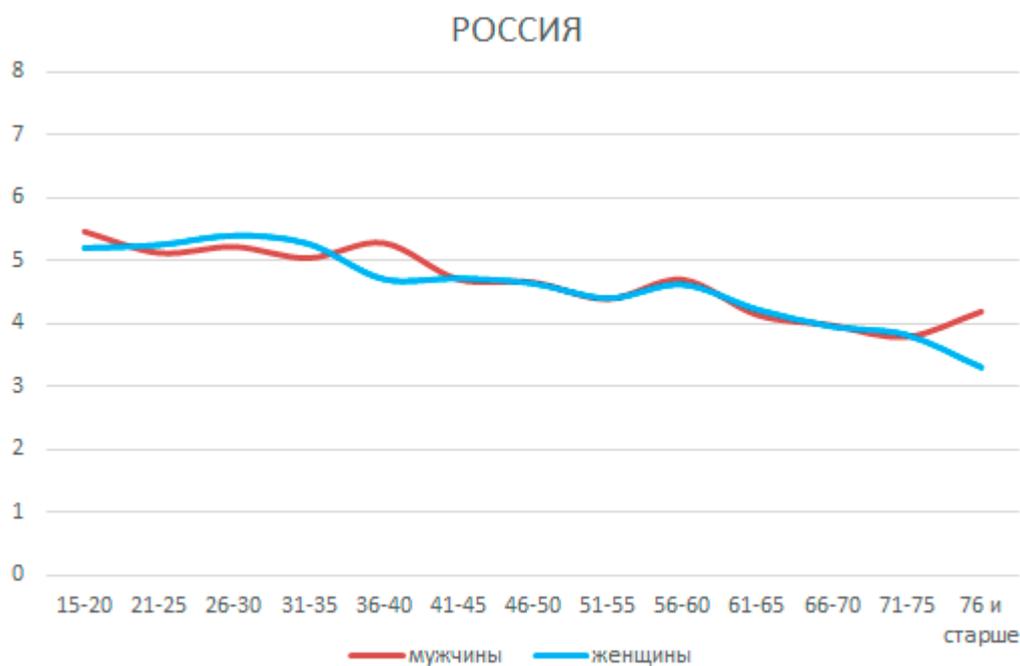


Рисунок 5. Зависимость оценок статуса от возраста для мужчин и женщин в России

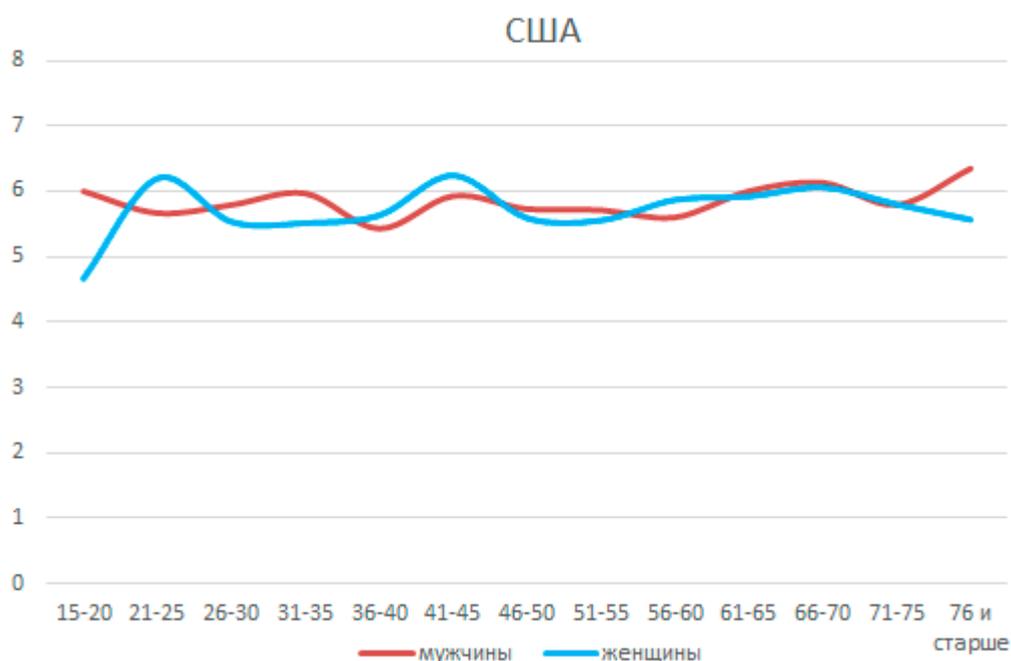


Рисунок 6. Зависимость оценок статуса от возраста для мужчин и женщин в США

В России и США динамика оценок статуса не имеет гендерных различий – и мужчины, и женщины одинаково оценивают изменения своего социального положения с возрастом, хотя, еще раз

отметим, в России оценки субъективного статуса снижаются с течением жизни, а в США такая зависимость не фиксируется.

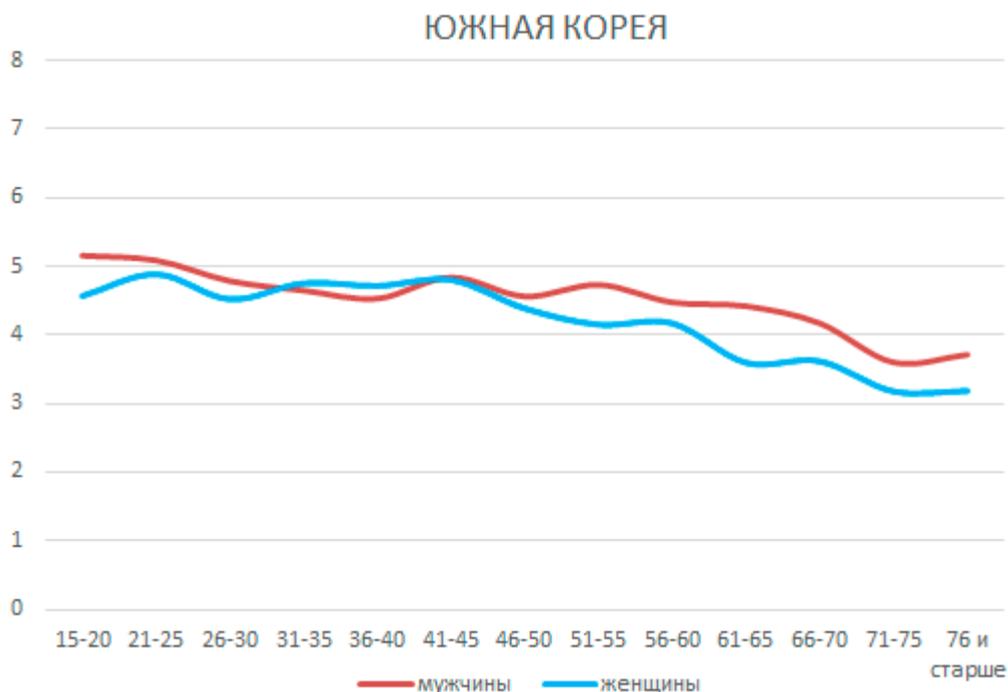


Рисунок 7. Зависимость оценок статуса от возраста для мужчин и женщин в Южной Корее

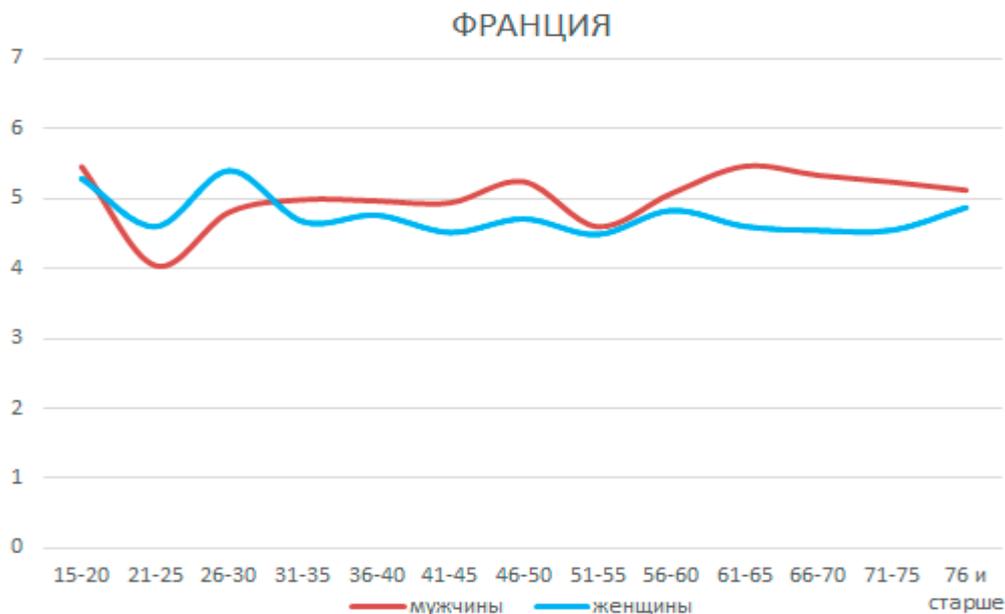


Рисунок 8. Зависимость оценок статуса от возраста для мужчин и женщин во Франции

Другую картину дает анализ данных, поступивших из Южной Кореи (рис. 7). В молодежных группах женщины оценивают свой статус ниже мужчин, к тридцати годам оценки выравниваются, но уже с 45 лет заметно занижение оценок статуса женщинами, которое с возрастом только увеличивается. Во Франции также заметны гендерные различия в оценках субъективного статуса. Молодые женщины оценивают свои социальные позиции выше, чем мужчины, после 30 лет эта ситуация меняется на противоположную – во всех старших возрастных группах мужчины размещают себя выше на условной социальной лестнице. Привлекательность молодости – дополнительный ресурс французских женщин.

Понимание причин гендерного неравенства обычно выстраивается в рамках теоретических подходов, восходящих к понятию различающихся половых ролей, введенных в научный оборот Парсонсом (термин «гендер» в то время не использовался)[8]. Парсонс полагал, что женская социальная роль – эмоциональная, она связана с регуляцией отношений внутри семьи, мужская – инструментальная, связанная с выстраиванием взаимодействия с внешним миром. Отсюда – различные типы ролевого поведения, разные системы санкций и гратификаций и, как следствие, разные социальные статусы. При этом в рамках данного подхода имплицитно присутствовал биологический детерминизм – предполагалось, что роли полов естественным образом определены природой. Современные исследователи, оставаясь в рамках ролевого подхода, декларируют не «естественное», но социальное разделение ролей – гендерные роли приписываются социумом. Чтобы объяснить гендерные различия в распределении социальных позиций, введены такие концепты, как «востребованные профессиональные навыки», «стратегически значимые социальные позиции», «культурно укорененные социальные роли». Гендер в этом случае выступает как своего рода мандат, разрешение на занятие приоритетных позиций для одной из гендерных категорий – в современном мире чаще мужчин, чем женщин[9]. При этом, как показывают данные, разные общества прошли разный путь в направлении гендерного равенства. Это сказывается на понимании диапазона доступных социальных ресурсов и социально одобренных способов их использования, шоков, связанных с утратой ресурсов в процессе старения, и, как следствие, на восприятии самого процесса старения и изменения субъективного статуса в старших возрастах.

Возрастная кривая дохода

Проблема доходов в старших возрастах является весьма острой. Сокращение возможностей экономической деятельности, ухудшение состояния здоровья делают людей старших возрастов более уязвимыми с материальной точки зрения. Структура доходов в старших возрастах включает в себя несколько основных «опор» - это пенсия, оплата труда для работающих пожилых людей, доходы от ранее сделанных инвестиций/накоплений, трансферты из социальных фондов или от родственников. Вклад этих составляющих различен, но именно инвестиции/накопления, в том числе и в пенсионные фонды, сделанные в трудоспособном возрасте, обеспечивают достойное существование и материальную независимость в старших возрастах.

Приносящие значимый доход накопления возможны только в том случае, если заработок в трудоспособном возрасте позволяет откладывать «лишние» деньги. В ситуации, которую сами респонденты описывают словами «денег хватает только на продукты, даже покупка одежды вызывает затруднения» - а по данным опросов такой ответ дают около трети россиян[10], накопления, дающие материальную независимость в третьем возрасте, вряд ли возможны. Это подтверждается и другими данными. Так, в 2014 году не более 30% российских граждан имели сбережения, при этом существенная доля этих «сбережений» были просто отложены на покупку[11].

На рис. 9 представлена зависимость дохода от возраста для некоторых стран – участниц модуля ISSP «Социальное неравенство»[12]. Для того, чтобы появилась возможность сравнивать уровень заработков в разных странах, мы пересчитали доходы респондентов по следующему алгоритму. Средний доход в возрастной группе 15-20 лет был принят за единицу, доходы всех остальных возрастных групп определялись как отношение к заработкам этой молодежной группы.

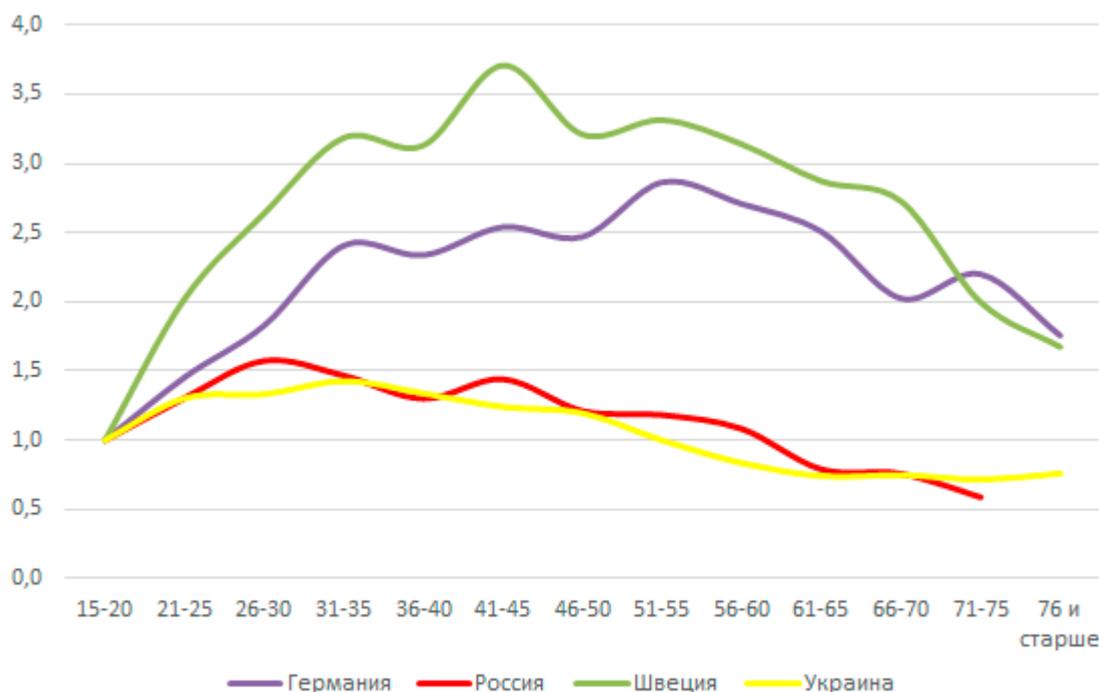


Рисунок 9. Зависимость дохода от возраста для отдельных стран

Отметим общую для всех стран, представленных на графике, особенность – с возрастом заработки падают. Однако характер зависимости доходов от возраста существенно различается. В России пик дохода приходится на возраст 30 лет, далее доход начинает снижаться, при этом максимальный уровень зарплаток россиян превосходит показатель молодежной группы всего в полтора раза. На Украине мы наблюдаем схожую картину с одним небольшим отличием - заработки начинают снижаться в более зрелых возрастах, но разброс уровня зарплаток по группам еще меньше. Важно отметить, что и в России, и на Украине заработки в старших возрастных группах ниже, чем у 15-20-летней молодежи, только начинающей свою трудовую карьеру. В Швеции пик доходов приходится на возраст 41-45 лет, различия в уровне доходов молодежной группы, чьи заработки были приняты за единицу, и группы, максимально зарабатывающей, составляет более трех с половиной раз. В Германии доходы продолжают расти до более пожилых возрастов, чем в Швеции, максимальный заработок приходится на возрастную группу 51-55 лет. Он превосходит заработки группы, принятой за точку отсчета, почти в 3 раза. И в Германии, и в Швеции заработки старших возрастных групп выше зарплаток молодежной группы, которую мы приняли за базовую.

Резюмируя, можно сказать, что россияне вступают в старость, не защищенные «подушкой материальной безопасности», - у большинства нет возможности сделать накопления, которые помогли бы обеспечить старость. Когда наступает третий возраст, они оказываются полностью зависимы от поддержки государства и/или родственников. Отсюда чувство беспомощности и заниженные оценки статуса.

Заключение

Среди факторов, определяющих положение человека в обществе, возраст играет дискриминирующую роль - старение связано с потерей статуса, респонденты старших возрастов оценивают свои позиции на социальной лестнице ниже. Это центральная тенденция, но есть факторы, демпфирующие негативные воздействия, связанные со вступлением в третий возраст.

Прежде всего, это запас социальных ресурсов, с которым индивид встречает старость. Развитые общества, как показывают данные, научились создавать условия "успешного старения", обеспечивая более низкую вероятность болезней, возможность сохранения здоровья и дееспособности до самых старших возрастов. Старость перестает быть слабостью, которая предопределена природой, - современные общества научились "отодвигать" биологический детерминизм, а разумное индивидуальное инвестиционное поведение в зрелые годы позволяет создать "подушку безопасности", обеспечивающую материальное благополучие в третьем возрасте.

Иная ситуация в российском обществе. Россияне встречают старость не защищенными ни со стороны здоровья, ни с точки зрения материальных обстоятельств. Условия поддержания здоровья не позволяют сохранить его в достаточном объеме к старшим возрастам, существующая пенсионная система не обеспечивает материального благополучия, а ограниченные ресурсы в период зрелости не позволяют сделать накопления, которые позволили бы безбедно существовать с наступлением старости. Российская молодежь оптимистична - она начинает жизнь, оценивая свои позиции в обществе выше своих американских и английских сверстников. Но каждый прожитый год снижает самооценки россиян. Жизнь в российском обществе не достижение, но потеря - растрата ожиданий и оценок юности.

[1] Косова Лариса Борисовна – к.т.н., Директор Единого архива экономических и социологических данных НИУ ВШЭ.

[2] Полный список стран-участниц и число опрошенных в каждой стране приведены в Приложении.

[3] Rowe J.W., Kahn R.L. Successful Aging. – N.Y.: Dell Publishing, 1999; Bowling A. Aspirations for older age in the 21st century: What is successful aging // The International Journal of Aging & Human Development. – 2007. – Vol. 64. – P. 263–297.

[4] Подробнее зависимость здоровья и возраста проанализирована в статье Косовой Л.Б. «Недоступное счастье: Что говорят данные опросов о здоровье российского населения» // Демоскоп Weekly. 2014. № 621-622.

[5] В исходной анкете использовалась следующая шкала: 1 - отличное здоровье, 2 - очень хорошее, 3 – хорошее, 4 – удовлетворительное, 5 – слабое. Для удобства визуализации мы перекодировали исходные значения, перейдя к инверсной шкале: 1 - слабое здоровье, 2 - удовлетворительное, 3 – хорошее, 4 – очень хорошее, 5 – отличное.

[6] См., например, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования, №11, 2000.

[7] Напомним, что исследование проводилось в 2009 году, было опрошено 55238 человек из 40 стран.

[8] Parsons T. Age and Sex in the Social Structure (1949) // Parsons, T. Essays in Sociological Theory Pure and Applied.

[9] См., например, Crompton, Sanderson. Gendered jobs and social change, 1990; Wright O. Classes, 1985; Connell R. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics, 1987.

[10] Данные опроса Левада-центра, <http://www.levada.ru/2012/11/20/kazhdyy-desyatyy-rossiyanin-edva-svodit-kontsy-s-kontsami/>

[11] Данные опроса Левада-центра, <http://www.levada.ru/2014/03/24/valyuta-sberezheniya-nakopleniya/>

[12] Напомним, что исследование проводилось в 2009 году, было опрошено 55238 человек из 40 стран.